

Двор многоквартирного дома как социокультурный феномен и его влияние на соседские практики

Денис Литвинцев

Введение

Двор многоквартирного дома – это коммунальный двор¹, вписанный в общественное пространство города, в отличие от двора, являющегося частью индивидуального домохозяйства. При этом А. В. Соловьев подчеркивает, что феномен двора как составляющей жизненного пространства любого человека имеет социально-антропологические корни [Соловьев, 2018]. В то же время двор, согласно С. Т. Махлиной, – это модель мира, а дворовое сообщество – модель социума, что связано с тем, что в коммунальном дворе возникает взаимодействие материально-технологической среды и системы социальных связей. Двор – это также и центр социально-психологических связей жителей многоквартирного дома [Махлина, 2009]. При этом психологические особенности восприятия двора формируют образы «идеального двора» и «обычного двора», что связано, как считает А. В. Емельяненко,

1. Коммунальный двор во многом, как и коллективный двор на несколько домовладений, способствовал формированию сетей неформальных связей, обязывал к взаимопомощи и взаимозависимости [Дятлов, 2021], что можно также рассматривать как аспект соседства.

Литвинцев Денис Борисович, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики, управления, социологии и педагогики Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин); доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета; Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, д. 20.
E-mail: denlitv@inbox.ru

Двор многоквартирного дома, будучи коммунальным, – это особое социокультурное пространство, которое претерпевало изменения на протяжении всего времени развития досоветских, советских и постсоветских (российских) городов. Целью настоящей статьи является социологический анализ изменений современного российского двора по отношению к советскому, которые сопровождалась не только снижением его функциональной роли, но и непосредственным влиянием на деформацию и распад соседских практик. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы, посвященные двору именно как социально-культурному феномену, а не просто архитектурно-планировочному решению в городском пространстве. В фокусе исследования преимущественно находятся такие исторически сложившиеся функции двора, как социализация, коммуникация и защита, претерпевающие активные изменения в последние годы. Чувство безопасности во дворе напрямую влияет на интенсивность и характер соседских отношений, которые могут быть сведены к нулю, что превращает дворы в «места отсутствия». Дисфункциональность двора вызвана также трансформацией дворового пространства, связанной с перераспределением взрослых зон в пользу детских площадок, а также сокращением зеленых зон и утилитарностью газонов. Несмотря на это, в российских дворах все меньше детей, что связано также с активным развитием интернета. Особое внимание в статье уделяется различным дворовым сообществам (бабушки, автолюбители и др.) во взаимосвязи с соседской коммуникацией, которая обладает своей спецификой в высотных многоквартирных домах. Отдельно рассматривается проблема виртуализации двора (развитие соседских чатов), также приводящая к его «опустению». В заключение делается вывод о том, что постепенное поглощение двора (как соседской общины) городской улицей (фактически обществом) не будет способствовать развитию соседских отношений.

с половозрастными характеристиками жильцов многоквартирных домов [Емельяненко, 2015].

Двор, по мнению Ю. Чернявской, – это феномен «своеобычный», для которого характерна укромность и «свойскость». Двор, из которого человек возвращается домой, воплощает грань между общиной (соседством) и обществом (городом). Выйти «во двор» и пойти «на улицу» – принципиально разные выражения, характеризующие противопоставление внешнего и внутреннего пространства многоквартирного дома [Чернявская, 2017, с. 224]. Именно двор, как отмечает Ю. Кудрявцева, формирует специфические социальные практики, связанные с различными аспектами постоянного общения жителей многоквартирных домов друг с другом [Кудрявцева, 2017].

К сожалению, данные рассуждения в большей степени характеризуют именно советский двор, чего нельзя сказать о современном российском дворе в многоквартирном доме. Именно это противоречие и ложится в основу настоящей статьи, цель которой – продемонстрировать социально-культурные различия советского и российского двора, а также утрату его основных функций, среди которых А. В. Соловьев выделял социализацию, коммуникацию и защиту [Соловьев, 2018].

Двор, которого нет

А. Пиир отмечает существенную трансформацию советского двора в середине прошлого века, положившую начало, по нашему мнению, разрушению соседских отношений уже в современной России, – постепенный переход пространства двора из «сферы взрослой хозяйственной деятельности... в сферу детского досуга» [Пиир, 2006: с. 345]. Это стало результатом как дефицита жилого пространства, так и социокультурных преобразований в стране, среди которых Е. В. Лебедева выделяет коммерциализацию публичного пространства, усиление социального расслоения и сегрегации горожан [Лебедева, 2022]. Однако на определенном этапе двор совмещал два пространства – взрослое (хозяйственное, мужское, нередко задний двор) и общественное (зачастую детское, внутренний двор).

В современном российском дворе в центре большого города, в отличие от домов советского образца где-нибудь на окраине², уже не встретишь соседа, выбивающего пыль из ковра на специальном для этого приспособлении, никто не сушит белье на перекладинах, во дворах практически не осталось сараев, гаражей и никто не моет машины (тем более это запрещено), не осуществляется разгрузка-погрузка товаров в магазины и т.п. Если бы И. Попов сегодня попытался нарисовать свою известную картину «Наш двор», а не в 1964 году, она бы отражала по большей части пустой двор с редкими детьми на площадке. Все эти активности так или иначе способствовали соседской коммуникации именно за счет существования хозяйственной части двора.

Что касается общественной части двора, которая фактически стала детской, то и она до недавнего времени по-соседски делилась между взрослыми и детьми. Однако сегодня уже в редком дворе встретишь соседей, решивших на свежем воздухе сыграть партию в шахматы, шашки или домино, шумную компанию, обсуждающую спортивный матч за выпивкой, и т.п. Этому способствует, конечно, не только трансформация дворового пространства, ориентированная в первую очередь на детский досуг, но и формальные институты, которые с каждым годом все сильнее разрушают неформальные соседские практики [Литвинцев, Епифанцев, 2022].

2. Это связано в первую очередь с тем, что сила формальных институтов ослабевает от центра города, где располагается большинство административных зданий, к периферии (спальным районам и т.п.).

Ключевые слова: жилищная социология, многоквартирный дом, советский двор, российский двор, дворовое сообщество, дворовая коммуникация, соседство

Цитирование: Литвинцев Д. Б. (2023) Двор многоквартирного дома как социокультурный феномен и его влияние на соседские практики экспансии // Городские исследования и практики. Т. 8. № 1. С. 89–96. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp81202389-96>

Двор все больше сливается с внешним, агрессивным пространством города, которое регулирует государство. Неслучайно современные исследователи рассматривают двор как специфическую организацию физического и социального пространства именно города, а не многоквартирного дома [Исаева, Павлова, Полухина, 2017], или как перспективную пространственную устойчивую единицу городской среды постиндустриального типа [Малахов, Бусел, 2022]. При этом обоснованный скепсис вызывают современные концепции «дворулицы» для периферийных районов постсоциалистических городов [Шляховая, Дохов, 2018] – это сочетание несочетаемого (приватного и публичного, частного и общественного, общины и общества и т.п.) с социологической точки зрения.

Советский двор формировал различные дворовые сообщества из жильцов многоквартирного дома, которые объединялись по возрасту, гендеру и интересам [Пиир, 2006]. Современный российский двор представлен преимущественно группами молодых мам с детьми и автолюбителями, которые в условиях уплотнительной застройки ежедневно делят место и договариваются об очередности выезда из двора на работу. Значительно реже встречаются сообщества community gardening (садоводческие сообщества – преимущественно пожилые женщины, добровольно занимающиеся озеленением), которые играют, по мнению Г. Р. Дадабаевой, немаловажную роль в формировании социального пространства своего двора [Дадабаева, 2018]. Это связано непосредственно с сокращением дворových интересов у жильцов многоквартирных домов, а также с превращением двора в «площадку» (детскую, спортивную и т.п.), благоустроенную и ориентированную в первую очередь на детский досуг.

Отдельное внимание необходимо уделить сообществу бабушек. А. Пиир отмечает, что именно бабушки выступали агентами дворового знакомства [Пиир, 2006]. Постоянные контакты с соседями, домовая администрацией, дворниками и т.п., по сути, делали сообщество бабушек центром дворовой коммуникации и соседских отношений. Трансформация двора вплоть до ликвидации лавочек возле подъездов в силу формальных правил [Литвинцев, Епифанцев, 2022] и увеличение различных факторов риска фактически разрушили данное сообщество в современных дворах, а значит, и этот информационно-коммуникационный центр, нередко выполняв-

ший еще и функцию неформального контроля дворовой повседневности.

Чрезвычайно важным аспектом до развития высотной застройки российских городов была возможность присматривать за маленькими детьми из окна многоквартирного дома. Высотное строительство фактически нивелировало эту возможность у большинства жильцов – во дворе высоты ребенка не только не видно, но и нет возможности докричаться до него, например позвав на обед. В этом плане постулат «ребенок должен гулять» перестает быть пропуском во двор не потому, что гулять во дворе не принято (как это было раньше), а потому, что во дворе опасно и мать не видит своего ребенка. В то же время А. Пиир отмечает, что сам факт «негуляния ребенка во дворе» может рассматриваться как показатель социального статуса его семьи и отражать принадлежность к тому или иному социальному слою [Пиир, 2006]. Социальное неравенство относительно современного российского двора все больше проявляется в неравности доступа жителей к дворovому пространству, последствиями чего являются ограничение возможностей его использования для различных социальных групп, появление «нежелательных» категорий жителей и исключение их из дворovого пространства [Лебедева, 2015: с. 589].

Результаты исследований в Индонезии также подтвердили влияние этажа проживания в высотных домах на паттерны социальных (фактически соседских) взаимодействий. Жители нижних этажей, наиболее близко расположенных ко двору многоквартирного дома, активнее общаются со своими соседями и чаще проводят время во дворе по сравнению с жителями верхних этажей высоток. Это связано в том числе и с тем, что жители нижних этажей могут легко попасть во двор по внутридомовой лестнице, в то время как жителям верхних этажей для этого необходимо ждать лифт [Malik, Yoshida, 2021]. Представляется, что подобные выводы с некоторыми оговорками можно экстраполировать на соседские отношения и в российских высотках.

Трансформация социокультурных функций двора, а также активное развитие высотного строительства в России, вытеснившего мало- и среднеэтажное [Литвинцев, 2020], привели в конечном счете к тому, что подавляющая часть жителей многоквартирных домов просто проходят по двору или бывают там не более часа [Анашенкова, Гаврилова, 2013]. И это с уче-

том того, что летом двор выполняет больше функций, чем в зимний период времени.

Двор без детей

Двор и город больше не являются значимыми институтами социализации. Интересы детей, покинувших дворы, переместились в социальные сети. Жизненная среда советскими детьми осваивалась, начиная с пространства своего двора, потом своего района, а потом и всего города. При этом первым шагом в освоении социума становилась квартира, потом лестничная клетка, а уже потом свой и соседский двор. Дружба с соседями была немаловажным аспектом проживания в многоквартирном доме, вследствие чего дети постоянно ходили друг к другу в гости, а «своих» от «чужих» отличали как раз благодаря двору, что делало его, таким образом, местом самоидентификации [Теплова, 2020].

В современном многоквартирном доме, а соответственно и дворе, проблема идентификации «своих» и «чужих» стоит достаточно остро. Многочисленные исследователи отмечают, что жители могут быть не знакомы даже с соседями по площадке. Все двери квартир закрыты, на окнах первых жилых этажей нередко устанавливают решетки, а дети уже не ходят так легко и часто в гости друг к другу, как это было в советские годы. Именно отсюда начинается разрыв соседской коммуникации, который связан в том числе с проблемой безопасности проживания в многоквартирных домах в больших городах России [Литвинцев, 2021].

Покатиловская Е. Н. и Шабаева Л. В. в результате эмпирического исследования подтвердили зависимость между чувством безопасности своего двора в многоквартирном доме и соседскими отношениями. Жители, в меньшей степени ощущающие себя в безопасности в собственном дворе, наиболее склонны к дискомфорту в общении со своими соседями, и у них в меньшей степени возникает идентичность с дворовым сообществом [Покатиловская, Шабаева, 2018]. Учитывая возросший уровень опасности городских дворов Е. Ф. Теплова неслучайно отмечает, что культура соседского общения осталась в прошлом, жители многоквартирных домов избегают двор как пространство коммуникации и даже боятся его [Теплова, 2020].

Строительство элитных многоквартирных домов с хорошо защищенной терри-

торией (наличие ограды и ворот/шлагбаумов, охрана и/или пропускная система) на первый взгляд должно было способствовать дворовой коммуникации, однако социальный потенциал эти дворы так и не смогли реализовать из-за высокой степени индивидуализма самих жителей [Соловьев, 2018]. При этом большинство таких домов насчитывают сотни квартир, что как количественный фактор также препятствует соседским отношениям.

Целесообразно отметить, что проблема безопасности и отсутствия надлежащих условий во дворах многоквартирных домов в США способствовала изобретению Э. Рид так называемой портативной детской клетки – специального приспособления, закрепляющегося на окне квартиры, для прогулки маленьких детей на свежем воздухе [Patent US1448235A]. Подобное изобретение не получило распространения в России, однако некоторое время применялось в других странах (например, в Великобритании). Решая таким образом проблему прогулки маленьких детей, детская клетка фактически способствовала разрушению соседской коммуникации и дальнейшему снижению функциональности самого двора.

Выполняя функцию социализации, советский двор в то же время являлся пространством игры (казаки-разбойники, прятки и др.), что способствовало освоению различных социальных ролей и окружающего пространства в целом [Теплова, 2020]. В современном обществе дети все более предпочитают компьютерные и мобильные игры, что, таким образом, способствует утрате двором и этой функции. Современные пустующие российские дворы без детей и взрослых – это те самые «места отсутствия» по Дж. Урри, которые вызывают у проходящих мимо жителей города чувство тревоги и опасности ввиду того, что чем меньше людей находится рядом с нами, тем менее физически безопасно данное место [Урри, 2012].

Советский двор был также средством знакомства с природой благодаря расположенным в них голубятням [Теплова, 2020]. Современный двор частично утратил эту функцию – все больше зеленого пространства отдается под парковки, формальные правила запрещают выгуливать собак, а голубятни уже практически нигде не встречаются. При этом двор является не только пространством повседневности, но и территорией праздника. Однако развивающиеся формальные институты в России все больше ограничивают различные

дворовые активности, в том числе и в праздничные дни, например строительство снежных горок [Литвинцев, Епифанцев, 2022].

Отдельно целесообразно отметить роль газонов. В советской и постсоветской России газоны во дворах многоквартирных домов преимущественно представляли собой экологическую и эстетическую ценность, в то время как в странах Европы, например Швеции, газоны выполняют еще и социально-символическую роль. Газоны там занимают большую часть открытых пространств во всех многоквартирных жилых районах и сопровождают людей везде – от дома до школьного двора или парка. Газоны ценятся как важные места для различных видов соседской активности (игр, отдыха, пикников, прогулок, общения) [Ignatieva et al., 2017]. Сокращение зеленых зон во дворах России, а также сохранение их преимущественно несоциальной функции также не способствует развитию соседских контактов.

Виртуальный двор

Трансформация двора и деформация соседских практик приводит к возникновению феномена соседских чатов (групп в WhatsApp и т.п.), которые Е. В. Лебедева называет именно дворовыми чатами [Лебедева, 2022]. Подобное отождествление неслучайно – на сегодняшний день дворовое и соседское сообщества практически слились в единый социальный организм, а потому дворовый чат и есть, по сути, соседский. Однако наличие чатов «для всех» и «чатов для своих» свидетельствует, по всей видимости, о сохраняющемся разделении приватного и публичного в данном случае виртуального пространства многоквартирного дома. «Чат для всех» в большей степени похож на виртуальный двор, куда могут зайти все желающие, помимо жильцов дома. При этом «чат для своих» – приватное соседское сообщество, состоящее исключительно из людей, подтвердивших свой статус как жильца или собственника помещения в доме.

Результат эмпирических исследований демонстрирует, что чем активнее соседи общаются в чате, тем с большей вероятностью они участвуют в дворовых мероприятиях [Лебедева, 2022]. Однако здесь необходимо подчеркнуть, что речь идет преимущественно о неформальных соседских практиках, например о дворовых праздниках. Формальные правила и нормы действующих в России жилищных институ-

тов не позволяют посредством соседских чатов организовывать общие собрания собственников многоквартирных дворов, то есть виртуализация двора не приводит к виртуализации процессов коллективного управления.

Участниками дворовых чатов являются преимущественно взрослые, в то время как дети находят свои виртуальные дворы, но уже за пределами соседского сообщества – различные площадки в социальных сетях и непосредственно «дворы» для общения в сетевых компьютерных играх.

В конечном счете виртуализация дворовых сообществ трансформирует реальный двор многоквартирного дома из так называемой «коробки для звуков» [Возьянов, 2014] в «коробку без звуков», в которой все больше слышен не детский смех и живой говор соседей, а механические звуки большого города. Несмотря на то что, по мнению А. В. Соловьева, восстановлению социокультурных функций двора на сегодняшний день способствуют различные общественные инициативы и государственные институты [Соловьев, 2018], они явно недостаточны в современных условиях формализации соседских отношений и противостояния социального государства и гражданского общества.

Заключение

Трансформация и благоустройство двора привели фактически к исчезновению в современной России хозяйственных (взрослых) зон в пользу детских, что стало отправной точкой в разрушении соседской коммуникации и исчезновении многочисленных дворовых сообществ. Двор продолжает утрачивать свои функции социализации и коммуникации, что также связано с сокращением зеленых зон в пользу парковочных мест и сохраняющейся утилитарности газонов. Диверсификация строительства многоквартирных домов привела к возникновению разного типа дворов в современной России, в отличие от типового планирования в советские годы, однако даже в элитных домах защищенность не способствует развитию двора как социокультурного пространства.

Чувство опасности во дворе и оторванность от двора жителей верхних этажей высоток усугубляют соседскую разобщенность. Виртуализация дворовых сообществ способствует созданию различных интернет-площадок для соседского общения, что, однако, усиливает сложность идентификации «своих» и «чужих» в реальном дво-

ре, в котором все реже играют дети, проводящие значительную часть времени в социальных сетях и компьютерных играх.

Коммунальный двор многоквартирного дома как социально-культурный феномен все больше превращается в «площадку», «дворулицу», архитектурно-планировочное решение, пространственную единицу городской среды, а как известно социологам со времен Г. Зиммеля и М. Вебера, именно в городе нет места полноценному соседству. Таким образом, с точки зрения городского планирования и зонирования двор должен рассматриваться не просто как социально-культурное образование, но и как основа соседской общности в многоквартирном доме, что важно для решения проблем коллективного управления.

Источники

- Анашенкова С.Л., Гаврилова Н.И. (2013) Роль двора в жизни спального района//Система ценностей современного общества. № 31. С. 90–93.
- Возьянов А.Г. (2014) «Коробка для звуков?»: о саундскейпе городского двора//Микроурбанизм. Город в деталях/Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение. С. 111–131.
- Дадабаева Г.Р. (2018) Русскоязычное население Алма-Аты: можно ли выстроить свое социальное пространство через озеленение дворов?//Центральная Евразия. № 2 (2). С. 119–134.
- Дятлов В.И. (2021) «Частный сектор» советского города: дома, дворы и люди в словах и образах//Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1 (56). С. 19–29.
- Емельяненко А.В. (2015) Психологические аспекты исследования восприятия двора жилого дома//Сибирский научный вестник. № 2 (20). С. 29–33.
- Исаева Е.Ю., Павлова И.В., Полухина К.С. (2017) Двор как специфическая организация физического и социального пространства города//Образование и общество. № 2–3 (103–104). С. 122–127.
- Кудрявцева Ю. (2017) «Где закопаны секретники». Дворовые практики в советских городах 1960–1970-х гг.//Историк-марксист: Альманах/Под редакцией А.В. Очкиной, Б.Ю. Кагарлицкого. – Пенза: Пензенский государственный университет. С. 110–117.
- Лебедева Е.В. (2022) «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска)//Вестник Института социологии. Т. 13. № 1. С. 44–66.
- Лебедева Н.А. (2015) Неравенство в пространстве городских дворов//Молодой ученый. № 5 (85). С. 589–594.
- Литвинцев Д.Б. (2020) Эволюция строительства многоквартирных домов в зеркале социологии//Урбанистика. № 2. С. 88–99.
- Литвинцев Д.Б. (2021) Социальные аспекты безопасности проживания в многоквартирных домах больших городов России//Социология города. № 1. С. 38–50.
- Литвинцев Д.Б., Епифанцев А.В. (2022) Как формальные институты в России разрушают неформальные соседские практики в многоквартирных домах//Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 18 марта 2022 г./Под общей редакцией М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. Иркутск: Иркутский государственный университет. С. 131–136.
- Малахов С.А., Бусел Ю.К. (2022) Двор как перспективная пространственная единица городской среды//Актуальные проблемы строительной отрасли и образования–2021: сборник докладов Второй Национальной научной конференции. Москва, 8 декабря 2021 г. М.: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет. С. 437–444.
- Махлина С.Т. (2009) Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя. 232 с.
- Пиир А.М. (2006) Для чего нужен двор? (Возрастные сообщества ленинградских дворов)//Антропологический форум. № 5. С. 345–378.
- Покатиловская Е.Н., Шабаетова Л.В. (2018) Вариативность образа территории проживания у горожан с разной социальной позицией//Научный результат. Педагогика и психология образования. Т. 4. № 2. С. 77–86.
- Соловьев А.В. (2018) Социокультурная эволюция городского двора как общественного пространства//Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. № 2 (59). С. 32–40.
- Теплова Е.Ф. (2020) Детство в городе 1950–1980-х гг.: двор как пространство социализации//Этнодиалоги. № 1 (59). С. 85–94.
- Урри Дж. (2012) Мобильности. М.: Праксис. 576 с.
- Чернявская Ю. (2017) Советское как детское: опыт двора//Логос. Т. 27. № 5 (120). С. 219–240.
- Шляховая А.А., Дохов Р.А. (2019). Дворулица: перезапуск периферии постсоциалистического города // *Городские исследования и практики*. Т. 3. № 1. С. 40–62.
- Emma Read (1922) Patent US1448235A United States, Serial No 576,138. Portable Baby Cage.
- Ignatieva M., Eriksson F., Eriksson T., Berg P., Hedblom M. (2017) The Lawn as A Social and Cultural Phenomenon in Sweden//Urban Forestry & Urban Greening. Vol. 21. P. 213–223.
- Malik A., Yoshida T. (2021) A Pattern of Social Interaction of the High-Rise Public-Housing of Jatinegara Barat in Jakarta, Indonesia//Urban and Regional Planning Review. Vol. 8. P. 1–25.

THE COURTYARD OF AN APARTMENT BUILDING AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON AND ITS IMPACT ON NEIGHBORHOOD PRACTICES

Denis B. Litvintsev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Management, Sociology and Pedagogy, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin); Associate Professor of the Department of Management, Novosibirsk State Technical University; 20 Karl Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation.
E-mail: denlitv@inbox.ru

Abstract. The courtyard of an apartment building, being communal, is a special socio-cultural space that has undergone changes throughout the development of pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet Russian cities. This article is a sociological analysis of the changes in the modern Russian courtyard in relation to the Soviet one, which were accompanied not only by a decrease in its functional role, but also by a direct impact on the deformation and disintegration of neighboring practices. The theoretical and methodological basis of the study was work devoted to the courtyard as a socio-cultural phenomenon, and not just an architectural and planning solution in the urban space. The focus of the study is on such historically established functions of the courtyard as socialization, communication, and protection, which have been undergoing changes in recent years. The sense of security in the courtyard directly affects the intensity and nature of neighborly relations, which can be reduced to zero, which turns yards into "places of absence". The dysfunctionality of the courtyard is also caused by the transformation of the courtyard space associated with the redistribution of adult areas in favor of playgrounds, and the reduction of green areas and the use of lawns. Despite this, there are fewer and fewer children in Russian courtyards, which is also associated with the development of the internet. Particular attention is paid to various courtyard communities (grandmothers, motorists, etc.) in conjunction with neighborhood communication, which has its own specifics in high-rise apartment buildings. Separately, the problem of the virtualization of the courtyard (the development of neighbor chats), which also leads to its "emptiness", is considered. It is concluded that the

gradual absorption of the yard (as a neighboring community) by a city street (actually by society) will not contribute to the development of neighborly relations.

Key words: housing sociology; apartment building; Soviet courtyard; Russian courtyard; yard community; yard communication; neighborhood.

Citation: Litvintsev D.V. (2023) Courtyard of an Apartment Building as a Socio-Cultural Phenomenon and Its Impact on Neighborhood Practices. *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 1, pp. 89-96. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp81202389-96> (in Russian)

References

- Anashenkova S.L., Gavrilova N.I. (2013) Rol' dvora v zhizni spal'nogo rajona [The Role of the Courtyard in the Life of the Sleeping Area]. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva* [The Value System of Modern Society], vol. 31, pp. 90-93. (in Russian)
- Chernyavskaya J. (2017) Sovetskoe kak detskoe: opyt dvora [The Soviet as the Childlike: The Case of the Courtyard]. *Logos*, vol. 27, no 5 (120), pp. 219-240. (in Russian)
- Dadabayeva G.R. (2018) Russkoyazychnoe naselenie Alma-Aty: mozno li vystroit' svoe social'noe prostranstvo cherez ozelenenie dvorov? [Russian-Speaking Residents of Almaty: Is It Possible to Construct a New Social Space Through Gardening Practices?]. *Central'naya Evraziya* [Central Eurasia], vol. 2 (2), pp. 119-134. (in Russian)
- Dyatlov V.I. (2021) «Chastnyj sektor» sovetskogo goroda: doma, dvory i lyudi v slovah i obrazah ["Private Sector" of the Soviet City: Houses, Yards and People in Words and Images]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches], vol. 1 (56), pp. 19-29. (in Russian)
- Emelyanenkova A.V. (2015) Psihologicheskie aspekty issledovaniya vospriyatiya dvora zhilogo doma [Psychological Aspects of the Survey on the Yard of a House Perception]. *Simbirskij nauchnyj vestnik* [Simbirsk Scientific Bulletin], vol. 2 (20), pp. 29-33. (in Russian)
- Emma Read (1922) Patent US1448235A United States, Serial No 576,138. Portable Baby Cage.
- Ignatieva M., Eriksson F., Eriksson T., Berg P., Hedblom M. (2017) The Lawn as A Social and Cultural Phenomenon in Sweden. *Urban Forestry & Urban Greening*, vol. 21, pp. 213-223.
- Isaeva E. Yu., Pavlova I.V., Polukhina K.S. (2017) Dvor kak specificheskaya organizaciya fizicheskogo i social'nogo prostranstva goroda [Yard as a Specific Organization of the Physical and Social Space of the City]. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and Society], vol. 2-3 (103-104), pp. 122-127. (in Russian)
- Kudryavtseva Y. (2017) «Gde zakopany sekretiki». Dvorovyie praktiki v sovetskikh gorodakh 1960-1970-kh gg. ["Where the Secrets are buried." Yard Practices in Soviet Cities in the 1960s-1970s.]. *Istoriik-marksist: Al'manah* [Historian-Marxist: Almanac]/Ochkina, A.V., Kagarlitsky, B.Yu. (Eds.). Penza: Penza State University, pp. 110-117. (in Russian)
- Lebedeva E. V. (2022) «Pravo na gorod»: opyt analiza dvorovykh soobshchestv s poziciei kriticheskoy teorii (na primere Minska) ["Right to the City": Experience of Analysis of Courtyard Communities from the Position of Critical Theory (By the Example of Minsk)]. *Vestnik Instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], vol. 13, no 1, pp. 44-66. (in Russian)
- Lebedeva N.A. (2015) Bulletin of the Institute of Sociology [Inequality in the Space of Urban Courtyards]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], vol. 5 (85), pp. 589-594. (in Russian)
- Litvintsev D.B. (2020) Evolyuciya stroitel'stva mnogokvartirnykh domov v zerkale sociologii [Evolution of Multi-Storey Residential Construction Through the Prism of Sociology]. *Urbanistika* [Urban Studies], vol. 2, pp. 88-99. (in Russian)
- Litvintsev D.B. (2021) Social'nye aspekty bezopasnosti prozhivaniya v mnogokvartirnykh domah bol'shikh gorodov Rossii [Social Aspects of the Safety of Living in Apartment Buildings in Large Cities of Russia]. *Sociologiya goroda* [Sociology of the City], vol. 1, pp. 38-50. (in Russian)
- Litvintsev D.B., Epifantsev A.V. (2022) Kak formal'nye instituty v Rossii razrushayut neformal'nye sosedskie praktiki v mnogokvartirnykh domah [How Formal Institutions in Russia Destroy Informal Neighborhood Practices in Apartment Buildings]. *Social'nye*

- instituty v pravovom izmerenii: teoriya i praktika. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Irkutsk, 18 marta 2022 g.* [Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation, Irkutsk, March 18, 2022]/Tirskikh, M.G., Druzhinin, G.V. (Eds.). Irkutsk: Irkutsk State University, pp. 131-136. (in Russian)
- Makhlina S.T. (2009) Semiotika kul'tury povsednevnosti [Semiotics of Everyday Culture]. St. Petersburg: Aletheia. (in Russian)
- Malakhov S.A., Busel Yu.K. (2022) Dvor kak perspektivnaya prostranstvennaya edinica gorodskoj sredy [Yard as a perspective spatial unit of the urban environment]. *Aktual'nye problemy stroitel'noj otrasli i obrazovaniya-2021: sbornik dokladov Vtoroj Nacional'noj nauchnoj konferencii. Moskva, 8 dekabrya 2021 g.* [Actual Problems of the Construction Industry and Education – 2021: Collection of Reports of the Second National Scientific Conference, Moscow, December 8, 2021]. Moscow: National Research Moscow State University of Civil Engineering, pp. 437-444.
- Malik A., Yoshida T. (2021) A Pattern of Social Interaction of the High-Rise Public-Housing of Jatinegara Barat in Jakarta, Indonesia. *Urban and Regional Planning Review*, vol. 8, pp. 1-25.
- Piir A.M. (2006) Dlya chego nuzhen dvor? (Vozrastnye soobshchestva leningradskih dvorov) [What is a Courtyard For? (Generations and the Use of Space in Backyard Leningrad)]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], no 5, pp. 345-378. (in Russian)
- Pokatilovskaia E.N., Shibaeva L.V. (2018) Variativnost' obraza territorii prozhivaniya u gorozhan s raznoj social'noj poziciej [Variability of the Image of the Territory of Residence Among Citizens with Different Social Positions]. *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education], vol. 4, no 2, pp. 77-86. (in Russian)
- Shlyakhovaya A.A., Dokhov R.A. (2019) Dvorulitsa (Yardstreet): A Reboot Method for The Semi-Periphery of a Post-Socialist City. *Urban Studies and Practices*, vol. 3, no 1, pp. 40-62. (in Russian)
- Solovyev A.V. (2018) Sociokul'turnaya evolyuciya gorodskogo dvora kak obshchestvenno-go prostranstva [The Sociocultural Evolution of Urban Yards as Public Spaces]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin], vol. 2 (59), pp. 32-40. (in Russian)
- Teplova E. (2020) Detstvo v gorode 1950-1980-h gg.: dvor kak prostranstvo socializacii [Childhood in the City of the 1950-1980s: The Yard as a Space of Socialization]. *Etnodialogi* [Ethnodialogues], vol. 1 (59), pp. 85-94. (in Russian)
- Urry J. (2007) *Mobilities*. Polity Press.
- Vozyanov A.G. (2014) «Korobka dlya zvukov?»: o saundskejpe gorodskogo dvora [“A Box for Sounds?”: About the Soundscape of the City Courtyard]. *Mikrourbanizm. Gorod v detalyah* [Microurbanism. City in Details]/Brednikova, O., Zaporozhets, O. (Eds.). Moscow: New Literary Review, pp. 111-131. (in Russian)